

Донецку Ростовской области в уходящем 2025 году достаточно широко отметили семидесятилетие. Юбилей – это всегда повод для того, чтобы вспомнить в ситуации с человеком – его подробную биографию, а в случае с населённым пунктом – его историю. И в первом и во втором примере обязательно придут на память периоды максимальных взлётов и достижений, но вряд ли станут вспоминать о провалах и падениях. Не для того празднуют юбилеи!

У города Донецка история разделена на две примерно равных половины и чисто математически это составляет по 35 лет. Так сложилось, что в первый период город рос и развивался, увеличивался в своих размерах и в своём населении, а также в других показателях, а всю вторую половину горожане слышали известную формулировку о непростом времени, которое переживает страна. Началось всё это с объявленной в апреле 1985 года на очередном пленуме ЦК КПСС политики перестройки. Сначала подумалось, что это звонкая общественно-политическая кампания, которых было немало на веку у горожан. Но оказалось, что это не так, и слово «перестройка» сначала прочно вошло в повседневный лексикон, а потом и в жизнь, круто её изменив и оставив о себе совсем неблагоприятную память.

О том, как жил город Донецк в годы перестройки, рассказывается в очередной исторической статье нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Александровича Сполоха. Читайте!

Перестройка в городе Донецке. Надежды и разочарования

Демографы утверждают, что активный репродуктивный отрезок жизни одного поколения составляет около 25-30 лет, или можно сказать иначе – четверть века или чуть больше. А если этот репродуктивный период выпадает на время эпохальных изменений, то человеку приходится труднее вдвойне, а то и втройне. Как тут не вспомнить широко известное выражение древнекитайского философа Конфуция: «Не дай вам бог жить в эпоху великих перемен».

Перестройку, как, впрочем, и другие партийные кампании советского периода, добросовестно спустили по партийной и советской иерархии в виде директив, распоряжений и указаний весной 1985 года. Нельзя сказать, что до этого люди не понимали, что жизнь меняется не в лучшую сторону. Понимали, но молчали, так как живучи были старые страхи. А тех, кто не молчал, того мало кто слушал.

Критика, конечно, была, но в основном она концентрировалась на несправедливом распределении дефицита, злоупотреблениях в сфере предоставления жилья, перекосах в оплате труда, материально-бытовых вопросах и особом внимании к нетрудовым доходам и социальной несправедливости.

Перестроечной фразеологии со временем накопилось достаточно, она даже набилась оскомину, но конкретной работы по перестройке в низовых партийных организациях не могли почувствовать. Иногда даже и не понимали, что им конкретно нужно делать. Тогда, чтобы перестройка не буксовала, стали говорить о введении на предприятиях и в организациях должностей комиссаров перестройки. В воздухе запахло революционной риторикой. Но слишком рьяных ораторов и крикунов вовремя одернули, заявив, что если партия этот процесс перестройки начала, то партия его и завершать будет. Чем завершилась перестройка для коммунистической партии, всем хорошо известно.

А стартовала перестройка, как всем помнится, с представленной в виде

Демонстрация горожан 1 мая 1985 года.

всенародной кампании – борьбы с пьянством. Установили строгую норму потребления спиртных напитков на душу населения. Для широкой русской души норма в две бутылки водки в месяц сразу стала считаться издевательством. Но иногда делалось исключение, в основном в двух случаях... Если в семье планировалось веселое событие – свадьба или случалось, напротив, печальное – похороны. И тогда по справкам, выдаваемым ЗАГСом, можно было получить водку не

бутылками, а ящиками. Жители города при этом горько шутили: «Чтобы вволю напиться, нужно или умереть, или жениться».

Тем не менее и при таких драконовских мерах пьянство как явление никак не исчезало. На состоявшейся 29 января 1986 года сессии Донецкого городского совета народных депутатов прозвучала такая фраза: «Призыв партии сделать трезвость нормой нашей жизни нашёл горячий отклик в сердцах советских людей». Откуда докладчик

черпал такие вдохновляющие факты и утверждения, сказать сложно. Может, просто списал их из доклада инициатора антиалкогольной кампании.

В выступлении на сессии горсовета начальника городской милиции Павла Васильевича Наумова было сказано: «Надо разорвать порочный круг, когда торговля и «дружки» спиваются, милиция и медицина вытрезвляются, а на работе лишь сочувственно журят или символически наказывают».

В конце того же 1986 года на пленуме горкома партии было доложено, что потребление спиртного в городе сократилось на 33 процента, а затраты населения города на приобретение алкогольной продукции уменьшились за отчётный год на 349 тысяч рублей.

Здесь нельзя обойтись без «однако». В пересчёте на стоимость водки, которая на тот период составляла десять полновесных советских рублей, это означало, что населением выпито на 35 тысяч бутылок водки меньше. Поверить, что почти каждый взрослый горожанин выпил за год на одну бутылку меньше, конечно, можно, но насколько это могло изменить общую обстановку по пьянству в населённом пункте?

Конечно, с пьянством боролись. На всех предприятиях вовсю работали товарищеские суды, злостных пьяниц отправляли на принудительное лечение. В городе, на территории экскаваторного завода, даже был крупный ЛТП. Расшифровывалась эта аббревиатура незатейливо – лечебно-трудовой профилакторий. В нём содержалось около полутора тысяч человек. Чего в работе профилактория было больше, лечебного или трудового, могут рассказать нам его бывшие обитатели. Только вряд ли это смогут сделать те, кто так и не победил своего пристрастия к алкоголю.

В первые три года перестройки, с 1985 по 1988 годы, советское общество стремительно начало меняться. В обиход вошло обидное слово «совок». Ещё вчера запретная критика по любым, тем более политическим, темам разлилась огромным морем недовольства.

Одним из перестроечных проявлений стало более терпимое отношение к религии. Венчание в церкви перестало быть редкостью. Уже не нужно было скрывать от партийных, комсомольских и профсоюзных организаций факт крещения детей.

В 1988 году по предприятиям прошли лекции о тысячелетии Крещения Руси. А летом того же 1988 года проходила XIX партийная конференция. Из уст одного из делегатов той ставшей последней партийной конференции прозвучали памятные слова: «Если мы через два-три года не оденем и не накормим народ, то мы из партии большевиков превратимся в партию болтунов!».

Срок, как мы сейчас понимаем, поставлен был точный. Но событиями 1991 года предшествовало ещё много чего интересного. Например, знаменитая забастовка шахтёров 1989 года. К ней в полном составе присоединились горняки донецких шахт. На городской площади Ленина, той самой, на которой совсем недавно вручали ордена и медали за доблестный шахтёрский труд, сидели в рабочих робах и колотили касками по асфальту сильно изменившиеся за несколько лет люди. Они уже не хотели довольствоваться красивыми лозунгами о гвардейцах пятилетки и рыцарях труда. Требования забастовщиков были простыми: увеличение оплаты труда, улучшение его условий, решение бытовых вопросов, начиная от доставки горняков на предприятия и заканчивая снабжением мылом бань.

Постановлением Совета Министров СССР № 608 от 3 августа 1989 года большинство требований бастующих было удовлетворено.

С 1 августа 1989 года предприятиям угольной отрасли было предоставлено право самостоятельно устанавливать нормы выработки, расценки и нормы обслуживания техники. Оплата за ночные и вечерние смены повышалась, соответственно, на 40 и 20 процентов от почасовой тарифной ставки. Устанавливался единый выходной день — воскресенье. Время, необходимое для передвижения по горным выработкам до места работы и обратно, оплачивалось как рабочее, по той же тарифной ставке. Эти выплаты горняки сразу стали называть «копытными». Появилось обеспечение подземных рабочих горячим питанием.

Главное, что показала забастовка, так это то, что шахтёры могут быть единой силой, способной действовать сообща и не бояться власти. И власть им этого не простила. Но уже не в политическом, а в экономическом плане. И проявилось это в середине 90-х годов.

От острейшего дефицита водки страдали многие, но не все. Гораздо хуже стало, когда в разряд дефицита попали продукты повседневного спроса. В прессе стали появляться разные обоснования и объяснения возникших трудностей в продовольственном снабжении. Такие явления, как и было тогда предписано из властных кабинетов, называли временными. Но простые люди вспомнили, что с 1982 года в стране реализовывалась продовольственная программа. Однако, вместо того, чтобы к концу 80-х годов уже получить долгожданное изобилие, вновь получили на руки та-

лоны и чуть ли не продовольственные карточки с отрезными купонами.

Шахтёры недоумевали... В черте города есть свой совхоз «Донецкий», а в магазинах и столовых, работавших при шахтах, хоть шаром покати. Зато в ноябре 1989 года торжественно отметили 30-летие совхоза. Вспомнили, что он был организован на основании постановления Совета министров СССР для снабжения шахтёров города овощами и животноводческой продукцией на базе бывшего колхоза имени Димитрова. Ему было выделено 1 950 гектаров земли, в том числе сельхозугодий 1 524 гектара. Первым директором совхоза был Герой Социалистического Труда Тимофей Степанович Фомин.

В 1989 году совхоз представлял из себя совсем немаленький аграрный комплекс. Два коровника, два телятника, один птичник на пять тысяч кур-несушек и два птичника на 10 тысяч кур для выращивания птицы. А также один свиноводческий фермерский комплекс, складские помещения, механические мастерские, общежития, собственное жильё на 125 семей, 25 тракторов, 20 автомашин, два зерноуборочных

Вручается переходящее красное знамя.

комбайна. В совхозе трудились более двухсот работников. Ветеранами агропредприятия, проработавшими в нём двадцать и более лет, были токарь Иван Петрович Тумин, овощевод Нина Макаровна Лисюткина, водители Иван Ефимович Шамрай и Михаил Николаевич Рытиков, трактористы Дмитрий Александрович Селезнёв и Михаил Иванович Самсонов, доярки Евгения Васильевна Колосовская и Таисия Афанасьевна Бондарева.

В год юбилея совхоз произвел 142 тонны молока, 349 тонн мяса и 219 тысяч штук яиц. Сорокалетие и пятидесятилетие совхоз не отмечал, потому что его уже просто не стало. Как не стало и коровников, и свиноводческих фермерских комплексов, и тракторов, и машин, и комбайнов. А вот изобилие в магазинах Донецка наконец-то появилось, но за счёт поставок совсем других сельхозпроизводителей и не из нашего донецкого края.

Начиная с 1990 года, нормы отпуска продуктов в одни руки строго определялись специальным постановлением горисполкома. Норма на одного человека, ставшего в очередь, составляла: мука — 1 килограмм,

крупа — 1 килограмм, сахар — 1,5 килограмма, печенье — полкилограмма, масло животное — 400 граммов, колбаса — 500 граммов, яйца — 5 штук.

Покупателям выдавались книжки талонов не только на продукты, но и на моющие средства и мыло. Хозяйственного мыла давали три куска, туалетного — 600 граммов. Причём, если фондов было выделено недостаточно, то эта норма растягивалась не на месяц, а на целых три, то есть на квартал.

Шутники опять изощрялись — как же перестройку делать чистыми руками, если их нечем помыть? Напечатанное в газете «Донецкий рабочий» 24 февраля 1990 года «Положение о порядке продажи дефицитных товаров в 1990 году» начиналось со слов: «Учитывая настоятельные просьбы трудовых коллективов о распределении дефицитных товаров по предприятиям и в целях гласности и социальной справедливости их продажи, городская комиссия по распределению дефицитных товаров утвердила...», и далее шёл обширный перечень товаров, относившихся к дефицитным. Перечень был достаточно длинным, и в него попало почти всё: от зонтиков, обоев, колготок и до автомобилей. Причём в целях уже упоминаемой социальной справедливости колготки могли продаваться, прежде всего, многодетным семьям. Также для этих семей, ветеранов и инвалидов выделялась половина поступающего в городские торговые организации авто и мототранспорта.

Новобрачным одеться к свадьбе можно было только по талонам, выдаваемым ЗАГСом. Но если жених или невеста оказывались иногородними, то на них фондов не выделялось, и они рисковали пойти под венец без торжественного наряда. Правда, выручал рынок, но цены там были заоблачными.

Новому партийному руководству страны спасительной панацеей от всех бед показались кооперативное движение и индивидуальная трудовая деятельность. Небезосновательно считалось, что кооператоры и те, кому было разрешено заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, могли и накормить страну, и одеть её, и при этом никогда не ссылаться на временные трудности.

Кому же разрешалось по принятым тогда законам заниматься такой деятельностью? Совершеннолетним гражданам, участвующим в общественном производстве в свободное от основной работы время, домашним хозяйкам, инвалидам, пенсионерам, студентам и учащимся.

При условии оформления установленных видов документации для желающих выдавались регистрационные удостоверения и патенты. Также для оформления документов нужны были паспорт, фото, квитанции о внесении платы за патент и оплаты госпошлины в сумме 5 рублей (стоимость всего-то половины бутылки водки).

Объединялись граждане и в кооперативы. Их регистрация также не требовала больших материальных затрат, времени и организационных усилий.

Примечательно, что государственным предприятиям, работники которых изъявляли желание создать кооперативы, разрешалось передавать не

используемые в производстве основные средства, здания и сооружения безвозмездно. Но эта замечательная норма закона продержалась совсем недолго.

Налоговый режим для первых кооперативов был удивительно щадящим.

В течение первого года после своего создания кооператив уплачивал государству 2-3 процента, в течение второго года — от 3 до 5 процентов, а в последующие годы — 10 процентов налогов от суммы валового дохода, за вычетом расходов, понесённых на организацию производства, организацию реализации произведённой продукции и по оказанию услуг. Такого больше в стране никогда не было! И вряд ли будет!

Предприниматели оплачивали так называемые патенты за занятие индивидуальной трудовой деятельностью. Срок действия патента составлял один год. Размеры оплаты были такими: в строительстве оплата за патент составляла 470 рублей, в сфере бытовых услуг — от 365 до 410 рублей, парикмахерские платили за патент 250 рублей, такси — 560 рублей, за плотничьи и столярные работы требовали 310 рублей, за выращивание и продажу аквариумных рыбок нужно было заплатить 100 рублей, за ремонт машин оплата составляла 495 рублей, за изготовление шапок из распространённого в городе меха кроликов и нутрий — 320 рублей.

Чтобы представить себе масштабы кооперативного движения первых лет перестройки, достаточно сопоставить две цифры. Бюджет города в 1988 году составлял 7 миллионов 377 тысяч рублей, а кооперативы в тот же год произвели товаров и услуг на 7 миллионов 239 тысяч рублей. Но, как и в любом деле, без перекосов не обошлось. Некоторые председатели кооперативов, почувствовав вкус шальных денег, получали их в Госбанке на одни цели — производственные, а использовали на другие — спекулятивные. Это не было характерно абсолютно для всех кооператоров, но почва для рассуждений и осуждения завистникам разного калибра дала сразу.

«Золотая» эпоха созидательного кооперативного движения, когда энтузиасты буквально из ничего делали одежду, обувь, мебель и другие предметы быта, закончилась очень быстро. Те удивительные шансы были бездарно упущены, а новая история развития экономики страны и региона для городских кооператоров так и не дала.

Период перестройки был завершён в 1991 году, и об этом будет рассказано в очередной исторической статье.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание:
все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

